

А.А. Михайлов

**СУДЕБНАЯ РЕФОРМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВА
(В АСПЕКТЕ РЕФОРМЫ УГОЛОВНОЙ ЮСТИЦИИ)**

В рамках институционального подхода осуществляется анализ судебной реформы в современной России, в ходе которого автор обозначает причины недостаточной эффективности реформы уголовной юстиции и формулирует предложения, направленные на решение имеющихся в уголовном судопроизводстве России институциональных проблем.

Ключевые слова: *судебная реформа, уголовное судопроизводство, институты, эффективность правосудия.*

В 2014 г. исполнилось 150 лет судебной реформе 1864 г., а в 2016 г. наступит 25-летний юбилей уже другой реформы суда в современной, посткоммунистической России, если связывать ее начало с принятием Постановления Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР».

При этом если большинством теоретиков и практиков, являвшихся современниками судебной реформы 1864 г., ученых-процессуалистов конца XIX – начала XX века, данная реформа, включая преобразования в сфере уголовного судопроизводства, в целом признавалась успешной (и такого же мнения придерживается большая часть ее современных исследователей), то текущая судебная реформа, которая, надо полагать, завершится не в ближайшее время, оценивается не столь радужно.

Как осторожно заявил Председатель Верховного Суда РФ В.М. Лебедев, комментируя итоги Всероссийского совещания председателей судов в 2013 г.: «В целом законодательная база правосудия находится на высоком уровне, но говорить о полной удовлетворенности еще рано» [1].

Действительно, в ходе реформирования судебной системы вроде бы сделано немало. В области судостроительства появились суд присяжных и институт мировых судей, принят ряд базовых федеральных конституционных законов. В сфере судопроизводства действуют новые кодексы, в уголовном процессе прочно закрепился судебный контроль, введена апелляция, реформированы кассация и надзор. Многие законы, принятые в ходе реформы, были направлены на то, чтобы суды стали более доступными для населения, открытыми и независимыми от представителей других ветвей власти.

В то же время социологические опросы граждан, проведенные за прошедший с начала реформы период, в том числе в последние годы, говорят о том, что уровень доверия населения к суду остается низким: индекс полного доверия менее 25 %, хотя и появилась небольшая положительная динамика роста доли граждан, полностью доверяющих суду [2–6]. Это означает, что население страны в целом считает работу судебной системы недостаточно эф-

фективной. При этом только общество может давать полноценную конечную оценку таким крупным институтам, каким является судебная власть.

Эмпирические исследования последних лет также показывают, что в судебной и правоохранительной системах, несмотря на осуществленные преобразования, сохраняется обвинительный уклон [6–8].

Почему почти за 24 года реформы пока не получен результат в виде эффективно работающей системы правосудия? Или может быть прошло еще мало времени? Ведь на самом деле та же судебная реформа 1864 г. растянулась на целых 35 лет, начавшись не на всех территориях Российской империи одновременно и встречая мощное сопротивление консервативных сил (лишь 1 июля 1899 г. был дан Высочайший рескрипт на имя министра юстиции Н.В. Муравьева в связи с окончанием судебной реформы [9, с. 3]).

Однако такой ответ на поставленный вопрос, как и ответ, заключающийся в том, что на реформу выделено недостаточно средств, был бы слишком простым и уводящим в сторону от реальных причин.

Любая проводимая в государстве реформа, и судебная реформа не является исключением, – это, прежде всего, изменение институтов. Именно поэтому для исследования эффективности судебной реформы в современной России стоит применить институциональный подход.

Несмотря на то, что обозначенный методологический подход к исследованию процессов социальной действительности наиболее разработан в экономической теории, тем не менее он по своей сущности является междисциплинарным, изучающим системные связи и закономерности развития экономических, политических, юридических и социальных институтов.

Институциональный подход не является чем-то монолитным, в рамках него существует целый ряд направлений, в пределах которых также имеются различные точки зрения на понятие «институт» и другие образующие его понятийный аппарат базовые термины, в том числе такие, как «институции», «организации», «транзакции», «транзакционные издержки». Однако анализ этих точек зрения не со-

ставляет предмета настоящей работы, и то, какое содержание вкладывается в эти понятия в данной статье, будет раскрываться в ходе рассуждения.

Институты – это, как их определяет один из теоретиков неоинституционализма Нобелевский лауреат Д. Норт, ««правила игры» в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми» [10, с. 17]. Важной характеристикой института является то, что это «правило или совокупность правил, имеющие внешний механизм принуждения индивидов к исполнению» [11, с. 32].

Институт является формальным, если принуждение правила к исполнению является специализированной деятельностью гаранта правила, осуществляемой только им или устойчивой группой индивидов (судом, полицией и т.д.). Если в роли гаранта правила может выступать любой индивид соответствующего сообщества, полагающий, что рассматриваемое правило должно выполняться, то институт является неформальным [11, с. 41–42]. Соответственно правила, установленные законами, иными нормативными правовыми актами, относятся к формальным институтам, а обычаи и практики – к числу неформальных.

Так, к примеру, с точки зрения институционального подхода возвращение судом уголовного дела для дополнительного расследования на самом деле никуда не исчезало из российского уголовного процесса при рассмотрении последнего в качестве деятельности. Просто данный институт после вступления в силу УПК РФ 2001 г. сначала превратился в неформальный, но постепенно, в том числе при помощи Конституционного Суда РФ (постановление от 8 декабря 2003 г. № 18-П) и Верховного Суда РФ (постановление от 5 марта 2004 г. № 1), восстановил значительную часть ранее утраченных позиций и к настоящему времени снова стал формальным.

Совокупность основополагающих социальных, политических, юридических и экономических институтов, как формальных, так и неформальных, образуют институциональную среду. При этом институты в рамках данной среды не обособлены, а взаимосвязаны, в том числе в связи с тем, что индивиды и организации, чье поведение ограничивается (или стимулируется) институтами, как правило, выступают субъектами сразу целого ряда социальных, политических, юридических и экономических отношений. К примеру, тот же судья является не только участником судопроизводства, но и одновременно членом судейского сообщества, членом коллектива конкретного суда, супругом и т.д. Для судьи рассмотрение и разрешение дела – это не только функция в процессе, но и его единственная или основная работа, которая позволяет ему поддерживать статус в обществе и за которую он получает вознаграждение, чтобы содержать себя и свою семью.

Институциональная среда, образно выражаясь, выступает в роли почвы, от качества которой зави-

сит, укоренится в ней тот или иной институт и насколько глубоко и прочно. Однако необходимо учитывать, что институциональная среда является динамичной и постоянно меняется по мере изменения тех или иных образующих ее институтов, их исчезновения или появления новых. В связи с этим планируемые изменения, которые были возможны в один период времени, могут стать невозможными или неэффективными в других условиях.

Судебная реформа 1864 г., как известно, проходила в едином комплексе с другими реформами, включая крестьянскую и земскую реформы, реформу полиции. Указанные реформы только в своей совокупности смогли сформировать необходимую институциональную среду для укоренения институтов, возникших в ходе судебной реформы второй половины XIX века.

Одна из причин небольшой эффективности современной судебной реформы состоит в том, что она, на самом деле, превратилась в ряд отдельных и малосвязанных между собой реформ, начавшихся в различных институциональных средах.

Такие виды судопроизводства, как конституционное и арбитражное, возникшие в 1990-е годы, получили более успешное развитие, поскольку преобразования в этой сфере шли в ногу с либеральными изменениями в политической и экономической жизни страны. В настоящее время эти виды правосудия также являются более открытыми, чем гражданское и уголовное.

Реформы же уголовного и гражданского судопроизводства в современный период, можно сказать, в определенной степени запоздали.

В начале 2000-х годов, когда были приняты новые УПК РФ и ГПК РФ, резко изменился вектор институциональных изменений в политике и экономике страны, что не могло не отразиться на судебной сфере. Процесс укрепления государственной вертикали, начавшись с исполнительной власти, распространился также на законодательную и судебную ветви. Одним из главных результатов этого процесса в судебной сфере стало объединение в 2014 г. Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ в один орган. Кроме того, к этому времени мировые судьи стали лишь низовым звеном судебной вертикали, позволившим снизить нагрузку на судей районных (городских) судов.

В условиях построения судебной вертикали вполне объяснимой становится большая формальная и неформальная власть председателей судов как руководителей бюрократических структур, от которых во многом зависит карьерное продвижение и материальное благосостояние других судей. Такое положение дел, как обоснованно отмечает ряд исследователей, сегодня выступает одним из факторов, ограничивающих независимость судей [12–14].

В то же время процесс построения вертикали власти, начавшийся в 2000-е годы, в том числе в судебной системе, на самом деле является объективным.

В начале 1990-х годов в России имело место ничто иное, как революция, то есть коренное преобразование всех основных политических, экономических, юридических и социальных институтов. За этот период, когда в политической сфере шли активные процессы децентрализации, система государственной власти была разбалансирована и стала слабоуправляемой.

Однако на смену каждой революции неизбежно приходит контрреволюция, а после крупной реформы следует контрреформа. Другими словами, наступает период политической реакции на произошедшие институциональные изменения. Это объясняется тем, что в ходе революции или крупной реформы происходит разрыв между новыми формальными и старыми неформальными институтами [15, гл. 8 «Институциональные изменения»]. В период же реакции устанавливается их равновесие. Соответственно будущее новых институтов во многом зависит от того, насколько прочно они успели укорениться до наступления политической реакции.

В результате затягивания с реформой уголовного судопроизводства была упущена возможность более глубокой институционализации в уголовном процессе в начале и середине 1990-х годов гарантий прав личности, запрос на закрепление которых в уголовно-процессуальном законе сформировался в обществе. Не был использован и творческий потенциал активной части общества, который всегда усиливается в период крупных преобразований.

Хотя естественно, что далеко не все либеральные идеи могли стать институтами в 1990-е годы и тем более в 2000-е годы. И законодатель, введя в судебном производстве при принятии УПК РФ 2001 г. состязательность англо-американского типа, совершил большую ошибку.

В ходе реформ всегда нужно учитывать такое явление, как институциональная инерция (зависимость от траектории предшествующего развития). В институциональной экономической теории указанное понятие означает, что в каждый данный момент времени в экономике могут произойти не любые (произвольные) институциональные изменения, а лишь те, которые оказываются осуществимыми в сложившихся ранее условиях [11, с. 307]. Однако о наличии институциональной инерции можно говорить, исследуя институциональные изменения не только в экономике, но и в других сферах социальной действительности, хотя бы в силу того, что речь во всех случаях идет об институтах, входящих в одну институциональную среду, и общих закономерностях их совокупного влияния на поведение субъектов социального взаимодействия.

Условия, необходимые для институциональных изменений, во многом определяются институтами, под которыми следует понимать убеждения, идеи, ценности и установки, доминирующие в соответствующей социальной общности и закрепляемые институтами. Упрощенно говоря, институты являются стереотипами мышления, тогда как институты —

это стереотипы поведения. Институты вместе с неформальными институтами образуют социокультурные факторы (традиции), которые нельзя не учитывать в рамках правотворчества. В связке с формальными и неформальными институтами институты обеспечивают регулярность поведения, в том числе через формирование механизма поведенческой мотивации.

Социокультурные факторы, позволяющие эффективно работать судебному производству, основанному на англо-американской модели, в российском обществе в целом, а также в правоохранительной среде и судебском сообществе в частности в начале 2000-х годов отсутствовали. К настоящему времени они также не появились и в силу особенностей историко-культурного развития российского общества в обозримом будущем вряд ли возникнут.

В странах общего права отношения «гражданин — государство» обладают спецификой, выражающейся в том, что сфера активности государства должна иметь четкие границы, за пределы которых оно не должно выходить, ограничивая свободы и активность граждан. Данная специфика во многом является результатом политической борьбы в Англии в XIII и XVII веках, а также глубокого проникновения в общественное сознание англичан и североамериканцев либеральных теорий XVII — XVIII веков.

Кроме того, нельзя не учитывать, что само общее право в Англии изначально возникает как совокупность процессуальных решений, выносимых королевскими судами, где дела рассматривались с участием присяжных. Как отмечает Р. Леже: «Частные лица высоко оценили работу суда присяжных по определению фактических обстоятельств дела в процессе, разворачивавшемся в королевских судах. Эти суды основывали свои решения на системе доказательств, в которой главную роль играли свидетельские показания под присягой, в то время как в местных судах все еще господствовали иррациональные доказательства во главе с системой ордалий; в королевских судьях тяжущиеся видели судей высокой квалификации и считали, что исполнение решений, вынесенных от имени Короля, будет более быстрым» [16, с. 15]. В связи с этим общественную ценность приобретает непосредственно состязательный процесс, а не материальное право.

По мере расширения Британской империи указанные институты вместе с английским правом были восприняты многими британскими колониями.

Именно здесь следует искать глубинные истоки основных институциональных особенностей англо-американского уголовного процесса, в том числе выполнения судом роли беспристрастного, пассивного в собирании доказательств арбитра, разрешающего правовой спор между сторонами, и формальной истины, критерием которой является «отсутствие разумных сомнений».

В общественном сознании российских граждан государство несет ответственность за все, что происходит в стране. Это в значительной степени явля-

ется следствием многовекового (при самодержавии и советском тоталитаризме) вмешательства российского государства практически во все сферы жизни общества.

Поэтому в глазах населения судья как лицо, реализующее от имени государства функцию правосудия, отвечает за результат процесса независимо от активности сторон и отсутствия возможности в ряде случаев вынести правосудное решение в рамках установленных законом ограничений. Такие институты как раз и обуславливают необходимость закрепления в уголовном процессе всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела и направленности процесса на достижение объективной истины.

Кроме того, российская правовая система исторически тяготеет к правовым системам государств континентальной Европы, где материальный закон первичен по отношению к процессу, что обуславливает высокую публичность уголовного судопроизводства за счет влияния на него публичного по своей природе уголовного права. Р. Леже по поводу примата материального права в континентальных правовых системах справедливо пишет, что материально-правовые нормы «на континенте очень рано приобрели роль фундаментальных правовых принципов» [16, с. 17]. А правовые принципы – это ничто иное, как получившие институционализацию основополагающие общественные ценности.

Сохранение в ходе судебной реформы в современной России обвинительного уклона в судебском сообществе и правоохранительной среде объясняется существованием в них соответствующих убеждений и установок, о которых, в частности, емко сказал Председатель Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека М.А. Федотов на заседании указанного Совета 4 сентября 2013 г.: «...должна работать система, законы, исполнительная власть, суды, полиция. А мешают устоявшиеся стереотипы, вроде “у нас зря не сажают”, “прокурор всегда прав”, “полицейский врать не будет”» [17].

Только качественные институты способны менять устоявшиеся стереотипы мышления, в чем проявляется обратное влияние институтов на институты.

Одновременно нельзя не отметить привлекательность самой по себе идеи состязательного процесса англо-американского типа, который с точки зрения институционального анализа представляет собой яркий пример трансакций рациионирования.

Под трансакцией понимается действие, совершаемое, когда нечто (предмет трансакции) переходит от одной социальной единицы (например, индивида, организации) к другой [18, с. 72]. В уголовном процессе в качестве предмета трансакции могут выступать уголовное дело, доказательственная информация, права и свободы.

В институциональной теории выделяются три вида трансакций: трансакции сделки (горизонталь-

ные трансакции), трансакции управления (вертикальные трансакции) и трансакции рациионирования (диагональные трансакции) [15, гл. 3 «Трансакционные издержки»].

Трансакции сделки, в основе которых лежит добровольное соглашение сторон, в уголовном процессе в силу его публичной природы минимальны, хотя и имеют место, например, в рамках заключения досудебного соглашения о сотрудничестве.

В рамках трансакций управления право принимать решения принадлежит одной стороне, а управление осуществляется посредством команд. В уголовном процессе России данные трансакции преобладают в досудебном производстве. Но к трансакциям управления относятся и действия суда, совершаемые им по собственной инициативе, например, при собирании доказательств или возвращении уголовного дела прокурору.

В трансакциях рациионирования инициатива исходит от одной социальной единицы, а право принятия решений принадлежит другой. Данные трансакции имеют более сложную структуру и в силу этого могут быть более эффективными. Примером трансакций рациионирования в досудебном производстве является судебный контроль. Объем таких трансакций в досудебном производстве может быть повышен при введении института следственных судей или расширении сферы прокурорского санкционирования.

Однако российский законодатель, закрепив в судебной части уголовного процесса состязательность англо-американского типа, опять же не учел, что при любых видах трансакций существуют трансакционные издержки, то есть потери, возникающие в связи с осуществлением трансакций. На практике трансакционные издержки никогда не могут быть сведены к нулю. И одна из главных функций институтов как раз и состоит в распределении издержек между субъектами социального взаимодействия. Эффективное распределение издержек говорит об эффективности института, и наоборот.

К примеру, формальное исключение из уголовного процесса России при принятии УПК РФ 2001 г. того же института возвращения судом уголовного дела для дополнительного расследования ликвидировало трансакционные издержки, связанные с таким возвращением дела (увеличение сроков рассмотрения уголовного дела, сроков содержания обвиняемого под стражей, лишение последнего права на оправдание при прекращении дела после его возвращения прокурору и т.д.), однако одновременно привело к увеличению издержек у суда – в связи с невозможностью в ряде случаев вынести правосудный приговор, у потерпевшего – с учетом умаления в тех же случаях его права на доступ к правосудию и компенсацию причиненного преступлением вреда, и даже у лиц, не являющихся участниками процесса, – поскольку снижается эффективность правосудия, которое рассматривается в качестве блага любым законопослушным членом общества.

В этом плане правосудие в целом является эффективным, если обеспечивает вынесение судом правосудных решений в условиях эффективного распределения транзакционных издержек.

С учетом того, что для решения проблемы нередко существует возможность выбора из ряда альтернативных идей, для успешности реформ немало важное значение имеет правильность такого выбора, который должен опираться на объективные условия, сложившиеся в обществе.

Для того же, чтобы та или иная идея института из перечня альтернатив в конечном итоге стала институтом, необходимо, чтобы она была осознана до уровня ценности хотя бы частью правящей элиты, способной обеспечить закрепление этой идеи-ценности в качестве института на законодательном уровне.

В 1990-е годы стоящая у руля государства элита не смогла в полной мере осознать важность независимой и сильной судебной власти, а также эффективного правосудия для обеспечения стабильности отношений в обществе и укрепления новых политических и экономических институтов. Соответственно судебная реформа не была в числе приоритетов правительства.

В 2000-е годы внимание элиты к судебной реформе повысилось, но при этом четкая позиция, направленная на ускорение создания независимой и сильной судебной власти, у правящих кругов, как представляется, не сформировалась.

Укоренение институтов в обществе более быстро и эффективно происходит при посредстве организаций, то есть групп индивидов, преследующих сочетание общих и индивидуальных целей при помощи частичной координации поведения [19, с. 60]. В данном случае в качестве наиболее значимых организаций выступают суды и судебное сообщество.

Организации, обеспечивая закрепление и поддержание институтов, сами имеют свою собственную институциональную структуру. Поэтому для обеспечения эффективности судебной реформы существенное значение имеет, во-первых, то, какие формальные и неформальные правила действуют в судебской среде. Во-вторых, порядок формирования судебного корпуса.

К сожалению, преобразования в сфере судостроительства и реформы судопроизводства не были скоординированы между собой. Например, Федеральный конституционный закон № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» был принят только в начале 2011 г. и по существу не привнес ничего нового в ранее сложившееся устройство судов общей юрисдикции.

Предусмотренный Законом РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» порядок отбора кандидатов на должность судьи отличается непрозрачностью и усиливает закрытость судебской корпорации, которая рекрутирует кадры в основном из аппарата судов, а также прокуратуры и других правоохранительных

органов [20, с. 134]. При этом выходцы из аппарата судов, как показывают социологические исследования, более зависимы от мнения коллег и позиции председателя суда или вышестоящих судов [20, с. 155], а через представителей прокуратуры и других правоохранительных органов в судебское сообщество транслируются убеждения и установки, доминирующие в правоохранительной среде и во многом способствующие сохранению обвинительного уклона.

Это отрицательно сказывается на независимости судей, тогда как именно последняя является первоосновой свободы оценки доказательств. История показывает, что система формальных доказательств отмирает и заменяется институтом свободной оценки доказательств, когда появляется независимый от администрации суд, в частности суд присяжных, как это было, например, в Англии в XIII веке [21, с. 341–351] или в Российской империи во второй половине XIX века.

В связи с этим в уголовном судопроизводстве западных государств, в том числе в уголовном процессе Франции, Германии или, к примеру, Швейцарии, в которой Уголовно-процессуальное уложение принято и вступило в силу сравнительно недавно (в 2007 и 2011 гг. соответственно [22]), принцип свободы оценки доказательств распространяется исключительно на деятельность суда (ст.ст. 353, 427 УПК Франции, § 261 УПК ФРГ, ст. 10 Уголовно-процессуального уложения Швейцарии). И это правильно, так как о действительной свободе оценки доказательств можно говорить только применительно к органу или лицу, который при принятии решения не подвержен никакому внешнему влиянию. Ведь в той же Франции, где прокуроры по своему статусу являются магистратами (судьями), их независимость в уголовном судопроизводстве заключается только в том, что они «осуществляют судебное преследование свободно, вне зависимости от влияния судей и подсудимых (ст. 40 Уголовно-процессуального кодекса), то есть самостоятельно принимают решение о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела» [23, с. 77].

Поэтому нельзя говорить о свободе оценки доказательств прокурором, следователем или дознавателем (органом уголовного преследования), как это закреплено в УПК РФ (ст. 17), УПК Белоруссии (ст. 19) и уголовно-процессуальных кодексах некоторых других постсоветских государств. На указанных участников процесса должен распространяться принцип всесторонности, объективности и полноты исследования обстоятельств дела, но никак не свобода оценки доказательств, которой у них в силу характера отношений служебного подчинения в ведомствах, в которых они работают, просто-напросто нет.

При этом распространение принципа свободы оценки доказательств на прокурора, следователя и дознавателя в российском уголовном процессе на самом деле является очередным следствием деформации

ции в советское время модели предварительного расследования, построенной в дореволюционном уголовном процессе России по французскому типу. О такой деформации досудебного производства, в частности, обоснованно пишет Л.В. Головкин [24, с. 12].

С позиций институционального подхода в данном случае имеет место ошибка институционального выбора, приводящая к возникновению так называемого эффекта колеи, о существовании которого в социально-экономических процессах пишут институционалисты [15, 25].

Современный российский уголовный процесс в этом плане действительно находится в колее: в части досудебного производства – потому что попал в нее в результате институциональной деформации предварительного следствия и дознания в 1920-е годы, а в части судебного производства – поскольку при принятии УПК РФ 2001 г. был сделан неправильный институциональный выбор в пользу англо-американской состязательности.

Реформировать институты при наличии эффекта колеи всегда очень сложно, поскольку за время, прошедшее с момента, когда был сделан соответствующий институциональный выбор, выбранный институт обрастает другими институтами, появляются организации со своими интересами, которые поддерживают эти институты и препятствуют их изменению и, тем более, замене новыми. Таким образом, возникает эффект блокировки.

Блокирование любых попыток существенных изменений досудебного производства в уголовном процессе России до настоящего времени во многом обуславливается существованием у ведомств, в которых функционируют подразделения следствия и дознания, собственных интересов, не связанных с целями реформ судебной и правоохранительной систем. Причем каждое из этих ведомств обладает большим лоббистским потенциалом. Это, в конечном итоге, приводит к отсутствию эффективного межведомственного взаимодействия между ними, а также в их отношениях с прокуратурой, что порождает большие транзакционные издержки у уголовного процесса в целом.

Ведомственные интересы препятствуют воплощению в жизнь и идеи единого Следственного комитета, хотя в институциональном плане создание такого органа не решит проблему выхода российского предварительного расследования из колеи, в которой оно находится. Институт предварительного расследования в этом случае останется прежним (правки косметического характера в расчет не берутся), а изменения произойдут лишь в организациях, посредством которых осуществляется его поддержание. Данные организации (правоохранительные ведомства) с их внутренней институциональной структурой, конечно же, тоже нужно менять, однако это лучше осуществлять одновременно с самими институтами.

Сегодня необходимо делать принципиальный выбор между институциональными моделями досу-

дебного производства, сложившимися в уголовном процессе государств континентальной Европы, которая является более близкой к России, в том числе с точки зрения институциональной архитектуры. Здесь существуют две такие модели: французская и германская (или два, как их определяет Л.В. Головкин, архетипа досудебного производства [24, с. 11]).

Во французской модели досудебного производства, где на суд возложены функции расследования и судебного контроля, осуществляемые следственными судьями и судьями по свободам и заключению соответственно, преобладают транзакции рационализации, что приводит к большей объективности в принятии решений по делу и более высокой защищенности прав участников процесса.

В германской модели досудебного производства, где суд выполняет только функцию судебного контроля, а прокурор руководит расследованием и осуществляет надзор за полицией, преобладают вертикальные транзакции, однако более высокая эффективность по сравнению с российским уголовным процессом обеспечивается тем, что в досудебном процессе существует только одна вертикаль, поскольку прокурор является «хозяином дознания» и соответственно несет полную ответственность за его результаты. В отличие от этого в российском досудебном уголовном производстве сегодня функционируют несколько вертикалей при ослабленном прокурорском надзоре.

Как известно, вопрос дальнейшего реформирования досудебного производства в уголовном процессе России в настоящее время на повестку дня поставил Президент РФ В.В. Путин, рекомендовавший Верховному Суду РФ по итогам прошедшего 2 декабря 2014 г. заседания Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека в срок до 15 марта 2015 г. изучить предложения указанного Совета по созданию института следственных судей [26].

Говоря о перспективе судебной реформы в этой части, нужно отметить, что созданная к сегодняшнему дню институциональная архитектура судебной и правоохранительной систем, являющаяся вертикально направленной, все же в большей степени ориентирована на выбор германской модели досудебного производства. Данная модель в современных российских условиях может опираться, в частности, на статус прокуратуры, которая, с одной стороны, в результате внесенных в 2014 г. в Конституцию РФ изменений стала проводником президентской власти, как и другие правоохранительные органы, подчиняющиеся напрямую Президенту РФ, однако, с другой стороны, в отличие от этих органов все же обладает очень важным преимуществом: прокуратура – конституционный, предусмотренный непосредственно Конституцией РФ, орган, что определяет ее более высокое место в иерархии правоохранительных структур. Внедрение германской модели станет также более дешевым вариантом с финансовой точки зрения.

В то же время в институциональном плане французская модель досудебного производства представляется более эффективной, но и более дорогой (расходы только на выплату вознаграждения следственным судьям будут гораздо выше расходов на оплату труда «полицейских дознавателей», не говоря уже о расходах на обеспечение гарантий судей и т.д.).

Французская модель досудебного производства также будет более подходящей, если в политике, экономике и праве все-таки получат институционализацию либеральные идеи, обозначенные в ежегодном послании Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ на 2015 г. (искоренение обвинительного уклона в работе контрольных, надзорных и правоохранительных органов, отказ от принципа тотального контроля, уменьшение объема ограничений бизнеса и др.) [27].

Однако следует признать, что даже если этот процесс начнется, то в силу той же институциональной инерции, а также отмеченных ранее институций, господствующих в правоохранительной среде и судебном сообществе, французская модель досудебного производства с ее основополагающим институтом следственных судей вряд ли сможет успешно работать в существующих условиях, по крайней мере, в кратко- и среднесрочной перспективе. Известный вопрос «А судьи кто?» в данном случае остается риторическим.

Таким образом, представляется, что в современных условиях более эффективной может быть германская, а не французская модель досудебного производства при всем том, что последняя, нужно признать, в большей степени импонирует автору настоящей статьи. Одновременно следует отметить, что в существующих социально-экономических условиях вопрос финансового обеспечения преобразований, к сожалению, может стать определяющим при выборе дальнейшего пути институционального развития досудебного уголовного производства России, в частности и судебной реформы в целом.

Если досудебное производство в уголовном процессе России должно быть более состязательным, то судебное производство, чтобы привести систему уголовного процесса в состояние равновесия, должно стать более публичным.

Вопрос о необходимости концептуального переосмотра положений УПК РФ 2001 г. в части судебного производства в своем постановлении от 2 июля 2013 г. № 16-П поставил Конституционный Суд РФ, отметив, что безусловное следование инициативе стороны обвинения или защиты, заявленному заинтересованным лицом ходатайству, которые всегда преследуют собственный процессуальный интерес, означало бы недопустимое ограничение самостоятельности суда как носителя публичной по своей природе судебной власти, осуществляемой самостоятельно, свободно и независимо от позиции той или другой стороны.

Учитывая отмеченный выше характер исторически сложившихся в российском обществе отноше-

ний между государством и гражданином, который не может не отражаться на отношениях между судом и другими участниками процесса в уголовном судопроизводстве, а также первичность по отношению к уголовному процессу публичного по своей природе уголовного права, в целом нужно согласиться с такой постановкой вопроса, в соответствии с которой должно идти дальнейшее реформирование судебного производства в уголовном процессе России.

В то же время необходимо отметить ряд моментов, учет которых, как представляется, позволит повысить эффективность правосудия по уголовным делам.

Повышение публичности в деятельности суда следует допускать только в условиях дальнейшего укрепления независимости судей и повышения открытости правосудия.

В этом плане требуется реформировать институт председателей судов, внепроцессуальная власть которых ограничивает независимость других судей. Однако не посредством, как предлагает ряд исследователей, таких мер, как изменение механизма назначения председателей, когда председатель суда должен избираться коллективом конкретного суда сроком на три года без права на повторное замещение должности, и отделение института председателей от органов судебной власти [12, с. 13].

Данные предложения, думается, нереализуемы в современных условиях в силу следующих причин. Во-первых, далеко не каждый судья, несмотря на то, что он является профессионалом в области права, способен эффективно управлять коллективом судей (причем таким, где каждый из судей является носителем судебной власти), что входит в функции председателя суда. При трехлетнем сроке полномочий потребность в опытных судьях, способных качественно выполнять функции председателя суда, кратко возрастет, но необходимое количество таких судей может отсутствовать. Во-вторых, вполне естественно, что любая попытка реализации указанных предложений вызовет серьезное сопротивление действующих председателей судов, которые не только пользуются влиянием непосредственно в судебной среде, но и, по крайней мере начиная с председателей судов регионального уровня, являются частью элиты.

Для того чтобы реформа института председателей судов состоялась, она должна предусматривать компенсационный механизм. Для уменьшения негативных эффектов власти председателей, принципиальное значение имеет замещение ими этой должности не более чем один срок, поскольку возможность получить назначение председателем суда на второй срок увеличивает зависимость председателей от лиц, которые в той или иной степени влияют на повторное назначение. Однако нельзя срок замещения должности председателя суда, который сегодня составляет шесть лет, уменьшать. Наоборот, возможно, следует его увеличить до семи – восьми лет,

чтобы он превышал срок исполнения полномочий Президента РФ, который произвел назначение. Кроме того, это все равно значительно меньше, чем зачастую реализуемая возможность замещения должности председателя суда два срока подряд. При этом судьям, чей срок исполнения полномочий председателя суда истек, следует оставить возможность замещения должности председателя в другом суде.

Порядок формирования судейского корпуса, укрепляющий независимость судей, должен быть детально регламентирован законом и предусматривать отбор лучших из кандидатов на должность судьи. В связи с этим необходимо установление четких критериев, в соответствии с которыми должна производиться оценка кандидатов на должность судьи, в рамках которой на первом месте должны стоять итоги сдачи квалификационного экзамена и профессиональные качества кандидата.

Говоря о реформе непосредственно судебного производства в уголовном процессе России, необходимо отметить, что увеличение в нем публичности в любом случае не может быть в тех высоких объемах, в которых та существует в уголовном процессе Франции или Германии или существовала в период действия УПК РСФСР 1960 г., поскольку при концептуальном пересмотре положений УПК РФ должны быть учтены постановления Конституционного Суда РФ, в которых тот формулирует свою позицию по вопросам состязательности в уголовном судопроизводстве, в том числе постановления Конституционного Суда РФ от 20 апреля 1999 г. № 7-П и от 8 декабря 2003 г. № 18-П, где выражена позиция относительно отказа прокурора от обвинения и изменения прокурором обвинения в суде. Ведь в соответствии со ст. 79 Федерального конституционного закона от 2 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде в Российской Федерации» юридическая сила постановления Конституционного Суда Российской Федерации о признании акта неконституционным не может быть преодолена повторным принятием этого же акта.

В связи с этим, думается, в судебном производстве требуется расширить права потерпевшего и закрепить институт субсидиарного обвинения, который будет способствовать расширению объема транзакций ратификации в суде первой инстанции.

Данный институт впервые возник в Шотландии, правовая система которой, кстати, исторически сложилась под влиянием не только английского, но и континентального права. Среди ученых континентальной Европы возможность переноса института субсидиарного обвинения в законодательство начала активно обсуждаться с 60-х годов XIX века. Причинами этого явились издержки монополии прокуратуры на уголовное преследование, в частности отказ от уголовного преследования по одним делам и выдвижение необоснованных обвинений по другим. На законодательном уровне первоначально он был

закреплен в австрийском Уголовно-процессуальном кодексе 1873 г. [28, с. 7–8]. В настоящее время он также содержится в действующем УПК Австрии (§ 48), УПК Белоруссии (ст. 293), УПК Казахстана 2014 г. (ст. 337) и уголовно-процессуальных кодексах некоторых других государств.

Возвращение судом уголовного дела прокурору должно допускаться только при наличии соответствующего ходатайства прокурора или потерпевшего.

В целях обеспечения стабильности и действенности приговоров, что также укрепляет независимость суда, дальнейшего совершенствования требует система пересмотра приговоров. В этой связи представляется обоснованным предложение председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина по разделению апелляции и кассации, функционирующих в судах регионального уровня, и введению кассационных округов, содержащееся в его докладе на VIII Всероссийском съезде судей, проходившем в декабре 2012 г. [29].

Открытость правосудия может быть увеличена, во-первых, через расширение народного элемента в деятельности судов (например, посредством расширения компетенции суда присяжных, восстановления института народных заседателей). Во-вторых, важным инструментом повышения открытости и эффективности правосудия является нормативное закрепление обязательной аудиовидеозаписи судебных заседаний в судах первой инстанции.

Значительная часть существующих в современном уголовном процессе России проблем носит глубоко институциональный характер, в связи с чем их решение невозможно путем отдельных изменений действующего УПК РФ, необходимо комплексное изменение институтов досудебного и судебного производств в рамках уже нового Уголовно-процессуального кодекса, а также дальнейшее совершенствование судостроительства.

При этом для того, чтобы избежать ошибок, сделанных при принятии УПК РФ 2001 г., новый УПК РФ должен базироваться на ясной правовой доктрине, под которой в данном случае понимается система научно-обоснованных и авторитетных воззрений на судебную и правоохранительную системы, а также основные институты уголовного судопроизводства и которая должна найти выражение в новой Концепции судебной реформы.

Так, одним из факторов успешности судебной реформы 1864 г. стало то обстоятельство, что ей предшествовали разработка с участием крупных правоведов того времени (С.И. Зарудного, Н.А. Буцковского, К.П. Победоносцева и др.), утверждение и широкое общественное обсуждение Основных положений преобразования судебной части в России 1862 г., которые как раз и стали концентрированным выражением господствующей правовой доктрины того времени и четким ориентиром для законодателя при разработке и принятии судебных уставов. Концепция судебной реформы в РСФСР 1991 г. с учетом развития общественных отношений и суще-

ственного изменения институциональной среды исчерпала себя, перестав выполнять функции правовой доктрины, уже к концу 1990-х годов. Соответственно УПК РФ 2001 г. с его внутренней противоречивостью и другими недостатками во многом стал и продолжает оставаться результатом отсутствия ясной правовой доктрины, а также борьбы ведомственных интересов и разнонаправленных правовых идеологий, сторонники которых не всегда учитывают философскую основу этих идеологий и объективно оценивают их применимость к российским реалиям.

Разработка правовой доктрины, которая найдет выражение в новой Концепции судебной реформы, учитывающей сложившиеся в российском обществе

условия, позволит сделать судебную реформу более понятной как для законодателя, так и для правоприменителя, а также будет способствовать формированию необходимых для реформирования судебной и правоохранительной систем институций.

Реализация всех перечисленных мероприятий, в том числе разработка новых Концепции судебной реформы и Уголовно-процессуального кодекса, безусловно, потребует серьезных бюджетных, интеллектуальных и временных затрат. Однако эффективное правосудие является институционально сложным образованием, а значит, дорогим. При этом более простое и дешевое, на первый взгляд, правосудие может обходиться обществу в действительности значительно дороже.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лебедев В. Не гражданин, а чиновник должен доказать в суде свою правоту // Российская газета. № 6011 от 19 февраля 2013 г.
2. Российский суд теряет завоеванное доверие. <http://pravo.ru/review/75723> [электронный ресурс]: Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный. Дата обращения: 15.06.2015.
3. Доверие институтам власти. <http://www.levada.ru/print/07-10-2013/doverie-institutam-vlasti> [электронный ресурс]: Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный. Дата обращения: 15.06.2015.
4. Почему в России полюбили полицию? <http://www.levada.ru/print/07-10-2014/pochemu-v-rossii-polybili-politsyu> [электронный ресурс]: Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный. Дата обращения: 15.06.2015.
5. Римский В.Л. Обзор социологических исследований судебной системы России, выполненных в период с конца 1991 г. по настоящий момент. М., 2009. <http://www.indem.ru/Proj/SudRef/soc/Rim9128.htm> [электронный ресурс]: Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный. Дата обращения: 15.06.2015.
6. Трошев А. Как судьи арестовывают и оправдывают: советское наследие в уголовном судопроизводстве // Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права / под ред. В.В. Волкова. М., 2012. С. 18–53.
7. Поздняков М. Смысл и двусмысленность обвинительного уклона // Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права / под ред. В.В. Волкова. М., 2012. С. 54–106.
8. Панеях Э. Практическая логика принятия судебных решений: дискреция под давлением и компромиссы за счет подсудимого // Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права / под ред. В.В. Волкова. М., 2012. С. 107–127.
9. Бузмакова О.Г. Судебная власть в Сибири в конце XIX – начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2004. 241 с.
10. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. 180 с.
11. Институциональная экономика: Новая институциональная экономическая теория: учебник / под ред. А.А. Аузана. 2-е изд. М., 2011. 447 с.
12. Как обеспечить независимость судей в России / Волков В.В., Панеях Э.Л., Поздняков М.Л., Титаев К.Д. СПб.: ИПП ЕУ СПб., 2012. 28 с.
13. Панеях Э. Траектория уголовного дела и обвинительный уклон в российском суде // Право и правоприменение в России: междисциплинарные исследования / под ред. В.В. Волкова. М., 2011. С. 150–177.
14. Соломон Питер Х. Подотчетность судей в посткоммунистических государствах: от бюрократической к профессиональной подотчетности // Право и правоприменение в России: междисциплинарные исследования / под ред. В.В. Волкова. М., 2011. С. 80–107.
15. Аузан А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. М., 2014. [Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)]. Режим доступа: <https://bookmate.com>, платный. Дата обращения: 15.06.2015.
16. Леже Р. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход. 3-е изд., перераб. М., 2011. 576 с.
17. Заседание Совета при Президенте по развитию гражданского общества и правам человека. <http://state.kremlin.ru/council/18/news/19146>. [электронный ресурс]: Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный. Дата обращения: 15.06.2015.
18. Грейф А. Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли. М., 2013. 536 с.
19. Норт Д. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Норт Д., Уоллис Д. Вайнгаст Б. М., 2011. 480 с.
20. Волков В., Дмитриева А. Российские судьи как профессиональная группа: ценности и нормы // Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права / под ред. В.В. Волкова. М., 2012. С. 128–155.
21. Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб., 1995. 846 с.
22. Трефилов А.А. Уголовно-процессуальное уложение Швейцарии от 5 октября 2007 г. М., 2011. 250 с.
23. Лемер Ф. Судьи // Судебная система и судебные учреждения / сост. под рук. П. Трюше. М., 2003. С. 69–77.

24. Головкин Л.В. Архетипы досудебного производства, возможные перспективы развития отечественного предварительного следствия // Уголовное судопроизводство. 2014. № 2. С. 9–16.
25. Нуреев Р.М., Латов Ю.В. Россия и Европа: эффект колес (опыт институционального анализа истории экономического развития). Калининград, 2009. 294 с.
26. Перечень поручений по итогам заседания Совета при Президенте по развитию гражданского общества и правам человека. <http://www.kremlin.ru/assignments/47174>. [электронный ресурс]: Официальный сайт Президента РФ. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный. Дата обращения: 15.06.2015.
27. Принять вызов и победить. «РГ» публикует текст обращения президента/ <http://www.rg.ru/2014/12/04/poslanie-site.html>. [электронный ресурс]: Официальный сайт “Российской газеты”. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный. Дата обращения: 15.06.2015.
28. Зачинский А. О начале государственного обвинения. Ярославль, 1887. 17 с.
29. Зорькин В. Конституционно-правовые проблемы судебной системы РФ. http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20121218/265821471.html [электронный ресурс]: Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный. Дата обращения: 15.06.2015.

JUDICIAL REFORM IN MODERN RUSSIA: INSTITUTIONAL ANALYSIS OF EFFICIENCY AND OUTLOOK (REFORM OF CRIMINAL JUSTICE)

Russian Journal of Criminal Law, 2015, 1(5), 29–39. DOI 10.17223/23088451/5/6

Mikhailov Aleksandr A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: maa1505@sibmail.com

Keywords: judicial reform, criminal proceedings, institutes, efficiency of justice.

The article analyses the judicial reform in contemporary Russia within the institutional approach. The author points out what causes insufficient efficiency of judicial reform and formulates proposals aimed at solution of institutional problems in the criminal proceedings of Russia. The author emphasizes that the current reform of criminal justices fails to take into account sociocultural factors of the Russian society, including relations between the state and citizens and institution that are fundamentally different from those in the countries of the common law.

Modern Russian criminal trial is currently influenced by the so-called “path dependence”: in pre-trial proceedings – because it was the result of institutional deformation of preliminary investigation and inquiry in the 1920s, and in court proceedings – due to the wrong institutional choice of Anglo-American adversarial in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in 2001.

To solve problems of the Russian criminal trial it is necessary to make a fundamental choice between institutional models of pre-trial proceedings (French and German) that are found in the criminal process of the continental Europe, which is closer to Russia, particularly in terms of the institutional architecture.

If the pre-trial proceedings in a criminal trial of Russia should be more adversarial, the court proceedings must be more public to bring the system of criminal procedure in the equilibrium position, taking into account Constitutional Court Decision № 16-P of July 2, 2013. The wider publicity of the court should be allowed only in case of further strengthening of the independence of judges and higher openness of justice.

The solution of institutional problems of Russian criminal proceedings is possible only within the framework of the new Criminal Procedure Code. In order to avoid mistakes made in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in 2001, the new code should be based on the development of a legal doctrine reflected in the new Concept of judicial reform.

REFERENCES

1. Lebedev V. (2013) Ne grazhdanin, a chinovnik dolzhen dokazat' v sude svoyu pravotu [Not a citizen, but an official must prove their innocence in court]. *Rossiyskaya gazeta*. 19th February.
2. Pravo.ru. (2012) *Rossiyskiy sud teryaet zavoevannoe doverie* [The Russian court loses confidence]. [Online] Available from: <http://pravo.ru/review/75723>. (Accessed: 15th June 2015).
3. Levada.ru. (2013) *Doverie institutam vlasti* [Trust in government institutions]. [Online] Available from: <http://www.levada.ru/print/07-10-2013/doverie-institutam-vlasti>. (Accessed: 15th June 2015).
4. Levada.ru. (2014) *Pochemu v Rossii polyubili politsiyu?* [Why is police loved in Russia?]. [Online] Available from: <http://www.levada.ru/print/07-10-2014/pochemu-v-rossii-polyubili-politsiyu>. (Accessed: 15th June 2015).
5. Rimsky V.L. (2009) *Obzor sotsiologicheskikh issledovaniy sudebnoy sistemy Rossii, vypolnennykh v period s kontsa 1991 goda po nastoyashchiy moment* [The review of sociological research of the Russian judicial system from the late 1991 to the present]. [Online] Available from: <http://www.indem.ru/Proj/SudRef/soc/Rim9128.htm>. (Accessed: 15th June 2015).
6. Troshev A. (2012) *Kak sud'i arestovyyayut i opravdyvayut: sovetskoe nasledie v ugovnom sudoproizvodstve* [How judges arrest and acquit: the Soviet legacy in criminal proceedings]. In: Volkov V.V. (ed.) *Kak sud'i prinimayut resheniya: empiricheskie issledovaniya prava* [How judges make decisions: empirical studies of law]. Moscow: Statut. pp. 18–53.
7. Pozdnyakov M. (2012) *Smysl i dvusmyslennost' obvinitel'nogo uklona* [The sense and ambiguity of the presumption of guilt]. In: Volkov V.V. (ed.) *Kak sud'i prinimayut resheniya: empiricheskie issledovaniya prava* [How judges make decisions: empirical studies of law]. Moscow: Statut. pp. 54–106.
8. Paneyakh E. (2012) *Prakticheskaya logika prinyatiya sudebnykh resheniy: diskretniya pod davleniem i kompromissy za schet podsudimogo* [Practical logic of judicial decisions: discretion under pressure and compromise by the defendant]. In: Volkov V.V. (ed.) *Kak sud'i prinimayut resheniya: empiricheskie issledovaniya prava* [How judges make decisions: empirical studies of law]. Moscow: Statut. pp. 107–127.
9. Buzmakova O.G. (2004) *Sudebnaya vlast' v Sibiri v kontse XIX – nachale XX veka* [Judicial power in Siberia in the late 19th – early 20th centuries]. History Cand. Diss. Tomsk: Tomsk State University.

10. North D. (1997) *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki* [Institutions, institutional changes and economic performance]. Translated from English by A.N. Nesterenko. Moscow: Fond Ekonomicheskoy Knigi.
11. Auzan A.A. (2011) *Institutsional'naya ekonomika: Novaya institutsional'naya ekonomicheskaya teoriya* [Institutional Economics: A New Institutional Economics]. 2nd ed. Moscow.
12. Volkov V.V., Paneyakh E.L., Pozdnyakov M.L. & Titaev K.D. (2012) *Kak obespechit' nezavisimost' sudey v Rossii* [How to ensure the independence of the judiciary in Russia]. St. Petersburg: IPP EU SPb.
13. Paneyakh E.L. (2011) *Traektoriya ugovnogo dela i obvinitel'nyy ukлон v rossiyskom sude* [Trajectory of the criminal case and presumption of guilt in the Russian court]. In: Volkov V.V. (ed.) *Pravo i pravoprimenenie v Rossii: mezhdistsiplinarnye issledovaniya* [Law and Enforcement in Russia: Interdisciplinary Studies]. Moscow: Statut. pp. 150–177.
14. Solomon P.G. (2011) *Podotchetnost' sudey v postkommunisticheskikh gosudarstvakh: ot byurokraticheskoy k professional'noy podotchetnosti* [Accountability of judges in post-communist states: from bureaucratic to professional accountability]. In: Volkov V.V. (ed.) *Pravo i pravoprimenenie v Rossii: mezhdistsiplinarnye issledovaniya* [Law and Enforcement in Russia: Interdisciplinary Studies]. Moscow: Statut. pp. 80–107.
15. Auzan A. (2014) *Ekonomika vsego. Kak instituty opredelyayut nashu zhizn'* [The entire economy. How institutions determine our lives]. [Online] Available from: <https://bookmate.com>. (Accessed: 15th June 2015).
16. Leger R. (2011) *Velikie pravovye sistemy sovremennosti: sravnitel'no-pravovoy podkhod* [Great legal systems of our time: a comparative legal approach]. Translated from French by A. Gryado 3rd ed. Moscow: Volters Kluver.
17. Kremlin.ru. (2013) *Zasedanie Soveta pri Prezidente po razvitiyu grazhdanskogo obshchestva i pravam cheloveka* [The meeting of the Presidential Council for Civil Society Institutions and Human Rights]. [Online] Available from: <http://state.kremlin.ru/council/18/news/19146>. (Accessed: 15th June 2015).
18. Greif A. (2013) *Instituty i put' k sovremennoy ekonomike. Uroki srednevekovoy trgovli* [Institutions and the path to modern economy. The lessons of medieval trade]. Translated from English by I. Kushnareva. Moscow: Vysshaya shkola ekonomiki.
19. North D., Wallis J. & Weingast B. (2011) *Nasilie i sotsial'nye poryadki. Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoy istorii chelovechestva* [Violence and social orders. A conceptual framework for interpreting recorded human history]. Translated from English by D. Uzlaner, M. Markov, D. Raskov & A. Raskova. Moscow: Gaidar Institute Publ.
20. Volkov V. & Dmitrieva A. (2012) *Rossiyskie sud'i kak professional'naya grupa: tsennosti i normy* [Russian judges as a professional group: values and norms]. In: Volkov V.V. (ed.) *Kak sud'i primayut resheniya: empiricheskie issledovaniya prava* [How judges make decisions: empirical studies of law]. Moscow: Statut. pp. 128–155.
21. Chel'tsov-Bebutov M.A. (1995) *Kurs ugovno-protsessual'nogo prava. Ocherki po istorii suda i ugovnogo protsessa v rabovladel'cheskikh, feodal'nykh i burzhuaiznykh gosudarstvakh* [The course of the criminal procedure law. Essays on the history of the court and criminal proceedings in the slave, feudal and bourgeois states]. St. Petersburg: Ravena.
22. Trefilov A.A. (2011) *Ugovno-protsessual'noe ulozhenie Shveytsarii ot 5 oktyabrya 2007 goda* [The Code of Criminal Procedure of Switzerland of October 5, 2007]. Moscow: Voskhod-A.
23. Lemaire F. (2003) *Sud'i / Sudebnaya sistema i sudebnye uchrezhdeniya* [Judges / judicial system and judicial institutions]. Translated from French. Moscow.
24. Golovko L.V. (2014) *Arkhetipy dosudebnogo proizvodstva, vozmozhnye perspektivy razvitiya otechestvennogo predvaritel'nogo sledstviya* [Archetypes of pre-trial proceedings, the possible prospects of development of domestic preliminary investigation]. *Ugovnoe sudoproizvodstvo – Criminal Judicial Proceedings*. 2. pp. 9–16.
25. Nureev R.M. & Latov Yu.V. (2009) *Rossiya i Evropa: effekt kolei (opyt institutsional'nogo analiza istorii ekonomicheskogo razvitiya)* [Russia and Europe: the effect of the path development (the experience of institutional analysis of the history of economic development)]. Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal University.
26. Kremlin.ru. (2014) *Perechen' porucheniy po itogam zasedaniya Soveta pri Prezidente po razvitiyu grazhdanskogo obshchestva i pravam cheloveka* [The list of instructions following the meeting of the Presidential Council on Civil Society and Human Rights]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/assignments/47174>. (Accessed: 15th June 2015).
27. *Rossiyskaya Gazeta*. (2014) *Prinyat' vyzov i pobedit'* [Take the challenge and win]. [Online] Available from: <http://www.rg.ru/2014/12/04/poslanie-site.html>. (Accessed: 15th June 2015).
28. Zachinsky A. (1987) *O nachale gosudarstvennogo obvineniya* [The beginning of the public prosecution]. Yaroslavl'.
29. Zor'kin V. (2012) *Konstitutsionno-pravovye problemy sudebnoy sistemy RF* [Constitutional and legal problems of the judicial system of the Russian Federation]. [Online] Available from: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20121218/265821471.html. (Accessed: 15th June 2015).